

ПИЛОТ ЭКСТРА-КЛАССА

1.

— Ну вот, кажется, и все, — сказал Говор.
— Теперь все, — согласился Серегин.
— Да, еще одно: мой пилот. Вы подобрали?
Серегин кивнул с маленьким запозданием; эта пауза не ускользнула от Говора.
— Вас что-то смущает?
— Пожалуй, да, — сознался Серегин. Он выпятил нижнюю губу, склонил голову влево и повторил: — Пожалуй, да.
— Честное слово, я не знаю, до чего мы так дойдем. Что, неужели нельзя уже найти приличного пилота? Зачем же вы советовали мне отпустить Моргуна на звезды? После него мне нужен очень хороший пилот. С другим я просто не смогу летать, вы это знаете.
— Судя по знакам отличия, он хороший пилот, — сказал Серегин. — У него их полная грудь.
— В чем же дело?
— Хотел бы я знать, в чем дело, — сказал Серегин, скептически покачивая головой. — Опыта у него, по-видимому, достаточно. Но что-то такое есть в нем...
— Это лучше, чем когда нет ничего, — прервал Говор. — Вы ознакомились с документами? Да, впрочем, Резерв не прислал бы мне кого попало. Они меня знают.
— Документов у него пока нет, по его словам, их сейчас оформляет Резерв. А так, с виду, парень в порядке.
— Какой класс? — спросил Говор.
— Экстра.
— Вы начинаете острить?
— Я ничего не начинаю, — сказал Серегин. — У него экстра-класс. Не думаю, чтобы он врал.
— М-да, — буркнул Говор.
— Вот в том-то и дело.
— Я вас понимаю. Пилоты экстра-класса не каждый день идут на корабли малого радиуса.
— Да, не каждый день. Точнее, это первый случай.
— Вы правы: тут что-то не так. Может быть, возраст? Как его зовут?
— Рогов.
— Рогов, Рогов... Где-то что-то... Напомните, Серегин.
— Когда-то вы хотели взять пилота с такой фамилией. Только он передумал и ушел на звезды. У него был первый класс.
— Значит, он получил экстра и решил принять наше предложение? Странно.
— Да нет же, — терпеливо сказал Серегин. — Вы забыли: это было давно. Того два года назад списали по возрасту.
— Зачем же вы привели его, Серегин?
— Это не он. Скорее, его сын. Ему лет сорок, сорок пять..
Говор уселся на угол стола и скрестил руки на груди.
— Что же вас смущает? Я вас знаю, Серегин, вы не станете сомневаться зря. Ну, отвечайте же, бестолковый человек!

Серегин пожал плечами.

— Ничего определенного. Но когда я смотрю ему в глаза, мне кажется, что он куда старше всех нас.

— Возможно, усталость, — предположил Говор. — Да, наверное, усталость. Он хочет отдохнуть здесь, в Системе. Но вы сказали ему, что работа у нас очень напряженная? Иногда из-за одного человека приходится гонять машину чуть ли не на другой конец Солнечной системы. Такова космическая ветвь геронтологии, — соскользнув со стола, Говор заложил руки за спину, гордо выпятил живот. — Если где-нибудь на Энцеладе человеку удастся дожить до ста двадцати, мы вынуждены облазить всю эту планету, чтобы в конечном итоге убедиться, что там нет никаких специфических условий, ведущих к удлинению жизни, а просто у человека хорошая наследственность. Помните, сколько нам пришлось попотеть из-за Карселадзе?

— Помню.

— Все-таки вы помните! Где этот пилот? На следующей неделе я хочу выслать группу к Сатурну, на Титан. Я сам пойду с нею. Не исключено, что там окажется что-то интересное. Где же он? Нельзя заставлять пилота экстра-класса ждать столько времени!

— Пилот здесь, рядом.

— Ну вот, я так и думал. И вы только сейчас снисходите до того, чтобы уведомить меня об этом, а пилот изнывает от скучного ожидания в приемной. Или вы думаете, что его может заинтересовать телепрограмма? Нет, если бы не ваша способность подбирать такие блестящие группы, я бы вас... Каково теперь, по вашей милости, мнение этого пилота обо мне? Он думает, что шеф института — старый дурак и вовсе не заботится о людях, хотя именно он должен бы... Впрочем, я не уверен, что вы сами судите иначе.

Серегин покачал головой.

— Нет.

— Тогда идите к нему.

— Только я хочу предупредить вас...

— Ничего не желаю слушать, — отрезал Говор. — Где он? В конце концов, имею я право поговорить с ним?

Не по возрасту стремительными шагами Говор пересек кабинет и рывком распахнул дверь в приемную.

2.

Седой старик поднялся навстречу Говору. Его длинное, костистое лицо обтягивала сухая, с красными прожилками кожа. Старик выпрямился во весь рост, но привычка сутулиться укоренилась слишком глубоко. Старик неуверенно шагнул вперед.

— Я пришел, Говор, — сказал он. Голос его дрожал; старик чувствовал, что произвести благоприятное впечатление ему не удалось. — Я пришел. Когда-то ты обещал сделать для меня все, что я захочу. Так вот, я хочу, чтобы ты взял меня.

— Ну, вот, — сказал Говор, с досадой ударив себя руками по бедрам. — Ну, вот. Этого только мне не хватало.

— Я ведь немногим старше тебя, Говор, — сказал старик. — И я неплохо летал, а? Нет, скажи прямо: разве я плохо летал? Вспомни. Другие забыли это, они не возмут меня. Но ведь ты не можешь забыть! И ты возьмешь меня, Говор. — Он говорил все быстрее, чтобы не дать никому вставить слово. — Сейчас у тебя нет пилота, я уз-

В. Михайлов
рассказ

нал. Вот книжка... — негнушными, узловыми пальцами старик полез в карман. — Правда, на ней этот проклятый штамп. Но ты уберешь его! А, Говор? На, вот она. Возьми!

Говор тяжело вздохнул и недоброжелательно покосился на Серегина. Затем он подошел к старику, отвел в сторону документы и обнял его за плечи.

— Ну, садись, старина, — сказал он. — Садись и поговорим еще. Хотя у меня мало времени, чертовски мало.

— Узнаю тебя, — сказал старик и мелко захихикал. — Раз кто-то чертыхается, значит, Говора не придется искать далеко. А ты тоже стареешь, — отметил он не без удовлетворения.

— Это естественный процесс, — сказал Говор недовольно. — Но давай-ка поговорим о деле. Ты все-таки хочешь летать. Но ты ведь давно знаешь, Твор, буйная головушка, что не полетишь. Все комиссии, начиная с психологов...

— Вот что, — сказал старик. — Ты сначала возьми документы...

— Если даже я их возьму, все равно, никто не выпустит тебя в пространство.

— Если захочешь — выпустят! Тебя все боятся: вдруг ты и вправду найдешь способ сделать людей бессмертными? Тогда каждому захочется оказаться поближе к началу очереди... Нет, если ты скажешь, что хочешь летать со мной — и только со мной, — то никто не осмелится тебе возражать.

— Меня просто не станут слушать, — сказал Говор не очень убежденно.

— Но вот сам же ты слушаешь меня! — Старик снова хихикнул. — Да, ты стареешь. Раньше ты не стал бы и слушать. Приказал бы, чтобы меня отправили домой, и все.

— Старина... разве тебе плохо дома? Ты налетал столько, что хватит на две жизни. Уже десять дней ты на Земле. Райская жизнь! Заслуженный отдых. Я в самом деле готов сделать для тебя все — но по эту сторону атмосферы. Тебя не выпустят с Земли даже пассажиром!

— Тебя же выпускают!

— Я куда крепче тебя. И, кстати, я теперь летаю в капсуле, где не испытываешь перегрузок. А пилот должен вести корабль...

— Не тебе учить меня этому, Говор. Я хочу летать. И я был бы сейчас не слабее тебя, не облучись я тогда на Обероне. Но ведь я не виноват в том, что облучился, когда летал по твоим, Говор, делам!

— Если бы даже был виноват я — все равно... — произнес Говор после паузы. — Скажи по-человечески, чего ты хочешь, или — прощай. В конце концов, я занят серьезным делом: стремлюсь продлить жизнь, хотя бы тебе! И у меня мало времени.

— Ну, да, — пробормотал старик. — У тебя мало времени... Но где же твоё бессмертие? Ты не представляешь, как оно мне пригодилось бы: я стал бы молод, и опять уселся бы за пульт...

Говор непреклонно покачал головой.

— Даже тогда — нет. Бессмертие — не омоложение.

Старик моргнул, и губы его задрожали.

— Это чтобы меня подольше кормили из ложечки? Не так я жил, чтобы... Тебе не приходилось жалеть, что ты не погиб раньше? А я... Я мечтаю умереть на орбите!

— И оставить меня на произвол судьбы? Спасибо! В общем, иди к черту! — сказал Говор, поднимаясь. — Когда я тоже не смогу больше работать — вот тогда ты изложишь мне свои взгляды на бессмертие. Только имей в виду, что бессмертные — они будут не такими, как ты. И даже не как я. Они будут вечно молоды, понимаешь? Но, конечно, будут умирать с годами. Пока это удается не всем. Серегин, отправьте его домой. Иди, старина, иди — я к тебе, может быть, заеду как-нибудь вечером.

— Ладно, — сказал старик. — Нет, ты не чудотворец, Говор. А я ожидал от тебя чуда.

— Куда вас отвезти? — спросил Серегин. — Я распоряжусь.

— Куда-нибудь подальше. Это в ваших интересах. Но пока меня не увезут за пределы Земли, вам от меня не избавиться. Я приду опять. Так что до скорого, Говор! На космодроме...

Последние слова были сказаны уже в дверях.

3.

— Ну, — сказал Говор, — если бы не мое воспитание, я бы стал бить вас, Серегин, чем попало. А работой вы у Герта, он вас вообще уничтожил бы.

— Я и не знал...

— Должны были знать.

— И потом, мне жаль его.

— Оправдание, нечего сказать! А кому не жаль? — Говор постоял, плотно сжав губы, шумно сопя носом. — В последнее время у него окончательно разладилось с психикой. Мрачное напоминание всем старикам, Серегин, особенно облучавшимся... Впрочем, что вам до этого? Но, собственно, и сам я хорош: зачем я вышел к нему?

— Вы вышли не к нему, — возразил Серегин.

— Вот как? А к кому?

— Пилот ждет вас.

— Ага, — сказал Говор. — Я же говорю, что вы всегда все помните. А где пилот? Я его не испугал, надеюсь?

— Я здесь, — негромко сказал кто-то из угла.

— Чудесно. Значит, вы не испугались? Проходите, прошу вас. Поговорим у меня. Вы тоже, Серегин. Да, вы... простите, как вас?

— Рогов.

— Рогов, Рогов... Ну да, Рогов. Так вот, вы должны простить нас, стариков. Меня и того, которого я попросту выгнал. Он тоже когда-то был пилотом. И даже неплохим: второго класса. Но — темпора мутантур... Да, старики — невыносимый подчас народ. Вы должны иметь это в виду, поступая ко мне. Дело не только в том... садитесь, прошу вас. Что-нибудь тониизирующее? Ну, а я выпью. Серегин, на-

деюсь, вас не нужно приглашать. Так вот, дело не только в том, что я старик. — Говор откинулся на спинку кресла, повертел в пальцах бокал, заглянул в него, словно в окуляр. — Мои недостатки не превышают обычного для этой возрастной категории уровня. Но нам приходится работать в основном со стариками. С долгоживущими. Мы занимаемся геронтологией, вы слышали об этой науке? Мы — исключительно космической. Вы ведь знаете, что в каждом уголке космоса, и большого, и малого, существуют свои условия, не похожие ни на какие другие. И вот мы ищем, не могут ли эти условия — какая-то их комбинация — положительно повлиять на протяженность жизни, а может быть, и... Словом, мы ищем людей, опыт которых мог бы со всей достоверностью нам сказать, что именно в данном месте существуют нужные условия. Тогда мы начнем изучать их как следует... — Он поставил бокал на столик, и Серегин облегченно вздохнул. — Короче, нам приходится долго летать; учет долгожителей даже в Солнечной системе поставлен из рук вон плохо, она ведь, по сути, не так мала, Система. Итак, я вас предупредил. Вы не бойтесь того, что придется много летать?

— Нет, — сказал Рогов.

— Чудесно. Впрочем, чего вам бояться: вид у вас отличный. Корабли класса «Сигма-супер» вам, разумеется, знакомы?

— Да, — сказал Рогов. После паузы добавил: — В основном, теоретически. Плюс только что месяц практики в Космическом резерве. Эти корабли появились, когда у меня был перерыв в полетах.

— Долго не летали?

— Довольно долго.

— Долго, Серегин, слышите? Гм... Скажите, Рогов, а на каких трассах вы летали?

— На межзвездных.

— Много? — спросил Серегин.

— Подождите, Серегин, я же разговариваю! Естественно, много: иначе он не был бы пилотом экстра-класса. Знаете, Рогов, не понимаю, как это вас направили на такую скромную работу. Ведь пилотов экстра-класса не так уж много?

— Сейчас уже около двадцати.

— Все они — надпространственники, — сказал Серегин. — А как у вас с навыками работы в трех измерениях?

— Я почти все время работал именно в трех.

— Очень хорошо, — сказал Говор. — Исчерпывающий ответ. Вы еще что-то хотите спросить, Серегин?

— Только одно. Долго ли вы не летали? Точно.

— Да постойте, Серегин! Что вам дадут цифры? Ну, пусть он не летал даже пять лет — выработанные рефлексы ведь не исчезают... А вот почему вы не летали? Это важнее.

— Женился, — сказал Рогов. — Жил на Земле. Отдыхал, можно сказать.

— Я вас понимаю. Человеку необходимы перемены... А теперь, следовательно, семейная жизнь вам приелась, и вы решили...

— Нет, — сказал Рогов. — Не то, чтобы мне надоело...

Было в его голосе что-то такое, что заставило обоих собеседников взглянуть в Рогова повнимательнее. Нет, все было в порядке: рослый, плечистый человек, под сорок, с гладким лицом и уверенными движениями. Но вот только что им послышалось... Какое-то горькое превосходство, что ли?

— Вот как? А почему же вы решили, выражаясь высоким стилем, вновь покинуть Землю?

Рогов подумал и пожал плечами.

— Понимаю: вы затрудняетесь ответить. Это даже неплохо: ваше желание, значит, естественно, органично...

— Много ли у вас детей? — спросил Серегин. — И согласна ли жена?

— Дети выросли. Жена умерла.

— Простите, — сказал Серегин.

— Нет, позвольте! — возмутился Говор. — Что значит — простите?

Как это — умерла жена? У нас — стопроцентная гарантия жизни, каждый человек уже сегодня доживает до своего биологического рубежа, а вы говорите — умерла жена! Отчего? Непонятно.

— Очевидно, — сказал Рогов, — достигла своего рубежа.

— Во сколько же это лет, если не тайна?

— Да нет, — сказал Рогов. — Ей было сто два.

Вся выдержка Серегина не помогла ему сдержать смех; правда, он сейчас же торопливо закашлялся. Говор не улыбнулся — он просто развел руками, высоко подняв брови.

— Вы меня удивили, — сказал он. — Сто два? Простите, а сколько же тогда лет вам?

— Двести двадцать семь, — сказал Рогов.

— Да нет, — поморщился Говор, — нас интересует не это. Не ваши релятивистские годы, не время, прошедшее на Земле, пока вы летали на околосветовых скоростях. Мы хотим знать ваш реальный, физический возраст, вы поняли? Годы, которые вы прожили! Это ясно, или нет?

— Отчего же, — сказал Рогов. — Ясно.

— Итак, вам...

— Двести двадцать семь. Релятивистских — более трехсот.

Говор схватил бокал и снова со стуком поставил его на столик.

— Скажите, Серегин, — сердито спросил он, — кого вы мне рекомендуете? Я просил пилота, а наш друг Рогов, мне кажется, мистификатор. Потому что предложение чудес, как говорит Герт, на свете куда меньше спроса. Двести двадцать семь лет? А почему не больше?

— Двести двадцать семь, — сказал Рогов, пожимая плечами. Он не обиделся.

— Просто интересно! Но вы понимаете, Рогов, в этом-то вопросе мы специалисты. Возраст — это, так сказать, наша профессия. И будь вам действительно... Ну, не двести двадцать семь, конечно, но хотя бы

лет полтора... Учитывая ваш вид и состояние здоровья — мы изучали бы вас как редчайшую из редкостей, биологический раритет. Но почему же мы до сих пор о вас ничего не слышали? А?

— Не знаю, — сказал Рогов. — Я не думал, что обо мне кто-то должен знать.

— Но позвольте! Вы же живете не в пустоте! Люди...

— Большую часть жизни я провёл как раз в пустоте.

— Да, конечно. Однако же...

— Позвольте мне, — вмешался Серегин. — Не думаю, чтобы он шутил. По его виду этого не скажешь. Да и зачем бы? И, однако, это невероятно. Так что, я надеюсь, Рогов не обидится, если мы...

— Да, пожалуйста, — сказал Рогов.

— Тогда скажите, в каком году вы родились.

— В девятьсот шестьдесят пятом. Одна тысяча...

— С ума сойти! — не удержался Говор. — При всем желании я не могу...

— Одну минуту. Когда вы начали летать?

— Вскоре после возникновения звездной космонавтики. На лунных трассах.

— Так. Затем?

— Участвовал в освоении планет. На периферии Солнечной, потом в других системах... Это есть в послужном списке.

— Да, — сказал Говор. — Это — релятивистские экспедиции, до открытия надпространства. Но в таком случае мы крайне просто можем... Серегин, свяжитесь, пожалуйста, со Звездной летописью.

4.

Неторопливыми шагами Серегин прошел в угол кабинета, где, тяжелый и надменный, возвышался пульт информатора. Серегин набрал номер. Засветился экран; он был вытянут снизу вверх, сохраняя традиционные пропорции книжной страницы. На экране зажглось название указанного Говором источника. Возникла первая страница, вторая...

— Быстрее, Серегин, — нетерпеливо проговорил Говор. — Рогов, где нам искать?

— В четырнадцатой. И девятнадцатой...

— Четырнадцатая экспедиция, Серегин. Что вы копаетесь?

Страница остановилась на экране. Серегин секунду вглядывался в нее.

— Ведущий корабль «Улугбек». Ведомый — «Анаксагор», — вслух прочитал он. — на каком были вы?

— «Улугбек» не вернулся, — тихо сказал Рогов.

— «Анаксагор». Одну минуту... Так. Шеф-пилот: Мак-Манус. Пилоты: Монморанси — ого! — и Рогов. Да, Рогов.

Рогов вздохнул.

— Гм, — сказал Говор. — Это было сколько лет назад? Да... Удивительно. Посмотрите, Серегин, — там должны быть фотографии членов экипажа. Вы, конечно, простите нас, друг мой. Вы понимаете: такие факты нельзя принимать на веру.

— Нет, пожалуйста, пожалуйста, — сказал Рогов. Он чуть улыбнулся.

— Вот Рогов, — сказал Серегин. Он впервые с откровенным интересом взглянул на пилота. — Посмотрите сами.

Говор торопливо прошагал к пульта информатора. Несколько раз повернул голову, сравнивая.

— Да, — сказал он. — Удивительно. Сходство несомненное. А?

Правда, на снимке вы несколько моложе.

— Я и был тогда моложе.

— Вот именно. На двести лет, а? Серегин, отыщите-ка нам и вторую!

— Здесь вы совсем похожи, — констатировал Говор. — Что же, Серегин, будем считать факт установленным? Но я предвижу, что все наши коллеги будут требовать бесконечного количества доказательств. Может быть, посмотрим еще дальше.

— Я думаю, — сказал Серегин, — что это мы еще успеем сделать. Меня интересует другое: сколько лет вы уже не летаете?

— Семьдесят, — после паузы проговорил Рогов. Он поднял на Серегина спокойный взгляд. — Вы боитесь, что это повлияет?.. Я тоже опасался. Но, наверное, эти рефлексы не исчезают... Во всяком случае, в Резерве я прошел все испытания. Мне даже сохранили экстра-класс.

— Да нет, в этом мы не сомневаемся, друг мой, — вмешался Говор. — Дело не в этом. Мы не понимаем, как вы могли столько времени жить на Земле и не попасть в нашу картотеку! Хотя, может быть, у наших земных коллег служба поставлена хуже — на Земле столько народу...

— Не знаю, — сказал Рогов и пожал плечами. — Я об этом не думал. Просто жил, и все. Семьдесят лет — они уходят незаметно...

— Незаметно. Семьдесят лет. Тут невольно позавидуешь, а, Серегин? Человек просто жил... Кстати, Рогов первого класса не родня вам?

— Сын.

— Понятно. Но подождите, Рогов. А ваши друзья?

— Друзья, — повторил Рогов медленно, словно обдумывая это слово. — У меня их было много.

— Вот те, с кем вы летали.

— С кем летал... Ну, Мак-Манус и Мон — это раз. Они умерли.

— Давно?

— Наверное, я уже не помню точно, когда. Потом Выходил и другие — Грюнер, Холлис, Семеркин...

— А эти?

— Тоже умерли.

— Так, так, — сказал Говор. Наступила тишина, только едва слышно жужжал кристаллофон, записывавший весь разговор. — Ну, а кого еще вы помните из друзей?

— Пришлось бы долго перечислять, — сказал Рогов.

— Да, за столько лет... И все они умерли давно?

— Почти все, — кивнул Рогов. Он помолчал. — Только Тышкевич и Цинис...

— Ну, ну? Что же они?

— Они тоже жили долго.

— Ну, сколько же? — Говор потер руки.

— Тышкевич погиб совсем недавно. Он работал на Южной термоцентральной. Что-то там произошло такое...

— Помню этот случай. Значит, он погиб. И сколько ему было?

— Он был года на три или четыре моложе меня. На три, кажется.

— Потрясающе, а, Серегин? — Говор ходил по кабинету, вздымая кулаки. — Значит, ему было тоже двести с лишним. И погиб несколько лет назад? А мы с вами раскатываем по всей Солнечной... А второй, как его?

— Цинис? Он погиб раньше, в полете. Он не ушел на Землю. Ему было, помнится, сто шестьдесят... Это было давно. Мы тогда еще скрывали возраст — боялись, чтобы не списали...

— Да, — гневно сказал Говор. — Да! — крикнул он. — Тут и не заметишь, как сойдешь с ума! Погиб. Вы понимаете, Серегин: никто из них не умер своей смертью! Оба погибли! Вы хоть соображаете, о чем это заставляет думать? Ах, если бы вы раньше...

— Очень просто, — сказал Серегин. — На них не обращали внимания именно потому, что они — Рогов, например, — выглядят людьми средних лет. Конечно, будь у них морщины и борода...

— Это я понимаю. Но они сами — не могли же не понимать!

— Конечно, — сказал Рогов медленно, — мы понимали, что это необычно. Но мало ли каких необычайностей насмотрелись мы по ту сторону атмосферы? Обо всем не расскажешь и в двести лет... А летать нам хотелось. А потом стало неудобно...

— Ну, да, — сказал Серегин. — Он женился.

— Чепуха, — сказал Говор. — Я вам скажу, в чем дело: они все суеверны, Серегин. И боялись — ну, что мы их слгзим, например. А? Рогов улыбнулся.

— И вам... не надоело жить?

— Нет, — сказал Рогов. — Мне хочется еще полетать. Только не так далеко. На ближних орбитах. Все-таки, в конечном итоге, лежать хочется в своей планете.

— В своей планете... — пробормотал Говор.

Засунув руки в карманы, он пересек кабинет по диагонали. Локти смешно торчали в стороны. В углу он постоял, опустив голову. Резко повернулся. Снова зашагал, на этот раз — быстрее, резко ударяя каблукками.

— Лежать — в своей — планете, — повторил он громко, отдельно. Вытащив руки из карманов, он широко расставил их и резко опустил, хлопнув себя по бедрам.

— В своей планете! — крикнул он. — А? Каково?

В следующий миг он оказался возле пилота и неожиданно сильно ударил его по плечу.

— Этого не обещаю! — сказал он торжественно и помахал ушибленной ладонью. — Насчет своей планеты.

Рогов покосился на него.

— Думаете, не выдержу в рейсе?

— Нет, не это. Похоже, что вам не суждено лежать в земле.

— Жаль, — сказал Рогов. — Где же?

— Нигде. Жить. Просто жить. Потому что все, что вы тут рассказали, чертовски смахивает... На что это смахивает, Серегин?

— На элементарное бессмертие, — сказал Серегин, по обыкновению коротко и сухо.

— Да, — торжествующе сказал Говор. — Вот именно.

5.

Взгляд Говора был таким торжествующим, словно это именно он, а не кто-нибудь другой, обрел бессмертие.

— Но я вижу, Рогов, вы даже не очень взволнованы? Ничего, это придет позже, а пока продолжим. Отвечайте: где вы это подхватили? ...Ну, когда вы перестали стареть, что ли? Одним словом, когда вы это почувствовали?

Рогов покачал головой.

— Не знаю. Откровенно говоря, я и сейчас ничего не чувствую.

— Абсолютно ничего?

— Чувствую, что всё в норме.

— Так, чудесно... Попробуем иначе. Эти два друга — те, которые погибли, — где вы с ними летали?

— Это был многоступенчатый рейс. Он так и назывался. Мы были возле трех звезд. Планеты могу перечислить...

— Успеется. И высаживались?

— Само собой.

— И облучались?

Рогов пожал плечами.

— Там хватало всего.

— Так... Есть ли подробные дневники экспедиции, журналы?

— Вряд ли они сохранились. Нас ведь потом спасли просто чудом. Корабль погиб. Там были довольно каверзные места, в этом рейсе. Такие хитрые трассы... Очень хорошо, что теперь на такие расстояния ходят в надпространстве.

— А вы не пробовали?

— Я, наверное, консерватор, — сказал Рогов. — Это не по мне. Люблю трехмерное пространство. Выше — для меня чересчур сложно.

— Мы отвлекаемся, — сказал Говор. — Значит, сказать, где именно с вами это произошло, вы не в состоянии?

Рогов покачал головой.

— Надо повторить этот рейс, — сказал Серегин. — Рогов, вы пошли бы снова по этой многоступенчатой трассе? Без вас мы не восстановим всего.

Рогов подумал.

— Пожалуй, я пойду, — сказал он.

— Хорошо, хорошо, — сказал Говор. — Но это позже. Вы же понимаете, Серегин; такая экспедиция даже в самом лучшем случае может рассчитывать примерно на один шанс из ста тысяч. Готов спорить, что они облучились, — а я уверен, что они облучились чем-то — не на основной трассе. В каком-нибудь закоулке, о котором и сам Рогов давно забыл. Вернее всего, было даже не одно облучение. Комплекс их. Сочетание. И вот это сочетание произвело такое действие, которое мы пытаемся... Нет, полет — это потом. А в первую очередь мы должны установить, что же за изменения произошли в организме Рогова. А для этого мы его исследуем. Фундаментальнейшим образом исследуем. Тогда нам станет ясно, что именно мы должны искать. Реконструкция обстоятельств будет нелегким делом, но это уже, так сказать, техническая задача. А исследования Рогова — первоочередная. Что скажете, Рогов?

— А полеты?

— Будут и полеты. Потом. Не понимаю, что вы за человек: вам сказали, что вы бессмертны, а вы хоть бы удивились, что ли?

Рогов улыбнулся.

— Нелегко нарушать законы природы, — сказал он. — И я никогда не любил выделяться. Поэтому мне не очень верится.

— Поверится, — сказал Говор. — Скажите, а что вы будете делать со своим бессмертием?

— Пока что буду летать, — сказал Рогов. — Но, наверное, теперь у меня хватит времени, чтобы обдумать все остальное?

— Обдумывайте. Сейчас мы поместим вас в уютное местечко, где будут все условия. Тишина, покой, уход... Вы, Рогов, скажу без преувеличения, сейчас — самый дорогой для мира человек. Вы и представить себе не можете всей своей ценности...

— Откровенно говоря, — сказал Рогов, — я чувствую себя немного кроликом...

— Иногда все мы попадаем в такое положение, — успокоительно сказал Говор. — Не бойтесь, вам не придется ждать долго, вы и соскучиться не успеете! — Он обнял поднывавшегося Рогова за плечи. — Идите, друг мой. Серегин вас проводит. Готовьтесь; исследовать вас будем безжалостно, а это утомительный процесс. Хлеб кролика — он горький, друг мой, горький.

— Ну, да, — сказал Рогов. — Я понимаю...

В голосе его не чувствовалось энтузиазма. Говор подозрительно посмотрел на него.

— Я надеюсь, вы не допустите никаких глупостей? Не сбежите, например? Хотя, что я говорю. У пилотов всегда высоко развито чувство ответственности, иначе они не могли бы летать... Да, так что вас не устраивает?

— Все устраивает, — сказал Рогов и переступил с ноги на ногу. — Разве что... Я ведь был на испытательном полигоне, стажировался. В город приехал только что. Не успел даже оглядеться. Здесь многое изменилось...

— Ну, это естественно. Даже я замечаю изменения, а ведь я куда моложе, хотя если брать абсолютные числа... м-да. Итак, вы хотите прогуляться по городу. Серегин, как вы думаете?

— Лучше потом, — сказал Серегин.

— Безусловно. Может быть, Рогов, вы потерпите?

— Как прикажете, — сказал Рогов.

— Ну, и чудесно, — Говор несколько мгновений смотрел на пилота. — Хотя — знаете что? Идите. Погуляйте час-полтора. Сейчас половина девятого? Ну, до половины одиннадцатого. Только ведите себя хорошо! — Он повернулся к Серегину и, не стесняясь пилота, пояснил: — На прогулке он успокоится, а если просидит это время в ожидании, то станет излишне нервничать, а? Мы успеем пока подготовиться к обзорному анализу. — Он снова повернулся к Рогову. — Только не задерживайтесь.

Рогов кивнул.

— Я, пожалуй, съезжу только на космодром, — сказал он. — Хочется поглядеть на машины.

— Ну, что ж, раз это вам нравится... В половине одиннадцатого!

Рогов кивнул еще раз. Он подошел к двери. Створки, шелкнув, поехали в стороны. Рогов сделал быстрый шаг назад, шатнулся, словно боксер, уклоняющийся от удара. Стояв секунду, Рогов решительно шагнул и оказался в коридоре. Створки мягко сомкнулись за ним.

6.

Говор задумчиво проводил взглядом высокую фигуру пилота. Когда дверь бесшумно встала на место, он усмехнулся и покачал головой.

— Все-таки, мы до старости остаемся детьми. А, Серегин? Знаете, мне очень хочется догнать его и никуда не отпускать от себя. Словно ребенку, который боится выпустить из рук новую игрушку... Смешно? — Он помолчал. — А наш пилот, кажется, начал понимать... Вы видели, как осторожно он выходил? Боялся, чтобы его не задело дверью. Как же, бессмертие — не шутка...

— Пилот экстра-класса, — сказал Серегин. — Но что это значит? Ничего. Тут надо быть человеком экстра-класса.

— Все нет. Экстра-класс — это нечто исключительное. А ведь бессмертие — биологическое бессмертие — не может быть исключительным явлением. Оно должно принадлежать всем — или никому. Массовая, как прививка от оспы, прививка от смерти. Иначе оно сразу же превратится в награду. А этого произойти не должно.

— Потому, что награду не всегда получает достойный?

— Дело даже не в этом. Ведь есть уже другие бессмертия — в человеческой памяти. И оно, как правило, приходит, если его заслужили. А вот человек — прожил двести с лишним лет, и кто знает о нем? Мы, специалисты — и то узнали случайно.

— Мне кажется, вы начинаете жалеть...

— Жалеть? Нет. Но я боюсь. Представьте себе миллиарды, десятки

миллиардов людей, все Большое Человечество, которое, как Рогов нынче, боится выйти в дверь! — Он поднял плечи и развел руки, изображая растерявшееся человечество.

— Разве вы не думали о подобном, когда начинали работать?

Говор отмахнулся.

— Ну да, ну да. Я работал: это была величественная научная проблема, огромная задача. Но, откровенно говоря, я не думал, что она решится так скоро. Разные вещи: решать абстрактную проблему — или вдруг оказаться перед необходимостью практического применения...

— Что же, — сказал Серегин. — Еще не поздно. Еще можно ничего не сделать.

Говор взглянул на него, словно на сумасшедшего.

— Ну, хорошо, — сказал он после паузы. — Соберите сотрудников. Надо поставить задачу. Приготовить всю аппаратуру. Работы будет очень много. О, наконец-то у нас будет настоящая работа!

— Погодите. Все же ваши сомнения...

— Что же, — сказал Говор. — Будем надеяться, что сомнения эти — просто результат склеротических процессов в моем организме. Страхи старого дурака. Будем верить, что бессмертие — шаг в лучшую сторону.

7.

Перед лифтом Рогов остановился. Гладкие двери, рокоча, раскатились, кабина осветилась. Рогов стоял, не двигаясь с места, охватив пальцами подбородок. За спиной вежливо кашлянули. Рогов поспешно сделал шаг в сторону, пропуская. Человек вошел в кабину и оттуда вопросительно взглянул на пилота. Прикрыв глаза, Рогов медленно покачал головой. Створки сдвинулись. Растерянная улыбка появилась на лице пилота.

Скоростной лифт мог сорваться и упасть. Стопоры могли не сработать. Падение с такой высоты означало смерть.

Смерть же вдруг стала страшной, потому что перестала быть неизбежной.

Рогов спустился по лестнице. Так было дольше, но надежнее.

Он постоял у выхода, не сразу решившись выйти на улицу. Помнится, когда-то он слышал, как что-то упало сверху прямо на человека; человек этот умер.

Если хорошенько подумать, выходить на улицу больше не следовало. Можно было вернуться к Говору и устроиться в палате. Тут его будут охранять. Будут следить за каждым его шагом...

Рогов повернулся. Он не сделал следующего шага назад лишь потому, что наверх пришлось бы подниматься на лифте. Пожалуй, улица была все же безопаснее.

Он осторожно приблизился к двери. Люди входили и выходили. Они не боялись. Они знали, что смерти им не избежать. Мысль эта была настолько привычной, что они даже не ощущали ее. Они постоянно рисковали жизнью, потому что она была коротка.

И на них ничего не падало. Может быть, следовало все же рискнуть? Столько раз приходилось рисковать в жизни...

Рогов напрягся. Сделать первый шаг оказалось страшно трудно. Стартовые перегрузки он некогда выдерживал куда легче.

Подумав о перегрузках, он почувствовал, как весь покрывается холодным потом.

Полеты! Там опасность подстерегала человека с первой до последней секунды. Много опасностей, одна страшнее другой.

Рогов понял, что больше никогда не осмелится взлететь.

Но разве это обязательно?

Да его и не пугает больше летать. Его будут изучать. Долго. Тщательно. Несколько лет...

Но эти несколько лет пройдут, подумал он. В конце концов его изучат. А тогда?

Что будет он делать тогда в этом водовороте опасностей, который называется жизнью? Что будет делать десятки, сотни, может быть, даже — тысячи лет?

Пилот почувствовал, как мелко дрожат его руки.

Жизнь оказывалась страшной вещью! А ведь до сих пор она казалась такой великолепной!

Рогов подумал, что сходит с ума.

Жаль, что бессмертие не делает человека неуязвимым для смерти вообще. Ведь вот погибли Тышкевич, Цинис — ребята ничем не хуже его.

Жаль.

Но порог придется переступить. Это Рогов понял сразу же, чуть только вспомнил о Тышкевиче и Цинисе.

Выходило, что он старается спрятаться за их спины. А он никогда не прятался. Он не прятался двести двадцать семь лет. Это много.

И потом дети. Они, несомненно, получат это самое бессмертие. И тоже будут так вот переминаться с ноги на ногу? Что бы он сказал, увидев кого-нибудь из них в таком положении?

Пожалуй, то же, что сказали бы они, увидев сейчас его...

Шаг удалось сделать почти так же легко, как раньше, когда он был таким же, как все.

Рогов вышел на тротуар. В трех шагах левее стояла свободная машина. Можно было взять ее. Машиной управлял автомат, ехать в ней было бы безопасно.

Рогов взглянул на машину и усмехнулся. Он даже засвистел что-то сквозь зубы. Эту песенку любил Тышкевич. Рогов давным-давно забыл ее, а вот сейчас мелодия вдруг вспомнилась. Как и сам Тышкевич, с его редкими светлыми волосами и высокими польскими скулами.

Рогов вспомнил, в какой стороне лежит космодром, и зашагал, насвистывая.

Он вдруг почувствовал себя нормально. Наваждение прошло. По улице шли люди. И он шел, такой же, как все. Он ничем не отличался от остальных. Разве что тем, что люди шли молча, а он насвистывал старую-престарую песенку.

В девять часов районная энергоцентрала произвела первое перераспределение мощностей в связи с тем, что Институт Космической геронтологии впервые за время своего существования затребовал все, что ему полагалось. Были включены сложнейшие комплексы приборов, необходимых для всесторонних исследований человеческого организма вплоть до молекулярного и субмолекулярного уровней.

Это была первая прогонка холостую. Вторую провели в десять часов. После этого аппараты выключили, но никто уже не покидал своих мест. Начало исследований назначили на полдень. Такой задачи институту не приходилось решать никогда, и все здесь чувствовали себя приподнято и взволнованно, как перед редким праздником.

Говор неторопливо прохаживался по матовому белому полу центральной лаборатории. Он сжимал кулаки и потряхивал ими, словно готовился выйти на ринг. В середине лаборатории, на высоком постаменте, возвышалась цилиндрическая камера. В полдень сюда войдет Рогов. Его усадят в кресло, облекут датчиками. Начнется первый цикл исследований, медико-физиологический. Если в организме пилота все окажется в порядке и медики не дадут никаких противопоказаний, можно будет перейти и ко второму, а затем — к последующим циклам.

В организме все окажется в порядке, в этом Говор был уверен: проверяющие пилотов комиссии относятся к своему делу достаточно серьезно, а Рогов как-никак имел медицинскую визу в космос. Но, как и перед началом любого эксперимента, волнение не оставляло главу института, и он все кружил и кружил вокруг постаментов, то и дело бросая косые взгляды на сотрудников, готовых принять человека, сделать объектом исследований, проделать с ним все необходимые процедуры и поместить его в камеру, а затем разойтись по своим местам, чтобы потом не отрывать взглядов от приборов в надежде увидеть то новое, что должны дать — и обязательно дадут — исследования; если не сегодня, то завтра или через месяц, но дадут. Дадут, и Говор теперь пытался угадать, кто же из сотрудников окажется первым, заметившим что-то существенное; и хотя он знал, что угадать это невозможно, и любой из людей был достоин такой удачи, Говор все же подходил к каждому и взглядывался в него, затем отводил взгляд и направлялся к следующему, что-то ворча.

Сотрудники старались выглядеть спокойно. Но то один, то другой из них бросал взгляд на мерцающий циферблат больших часов, а потом — на всякий случай — и на свои часы, к которым как-то больше было доверия. Все стрелки синхронно подвигались к одиннадцати, потом миновали их и зашпелили к двенадцати, все убыстряя, казалось, ход. В лаборатории стояла тишина, и поэтому был ясно слышен глухой шум машины у подъезда; все головы на мгновение поднялись, но это еще не приехал Рогов, это уехал Серегин. И тишина возобновилась, прерываемая только шарканьем шагов Говора.

— Он мог бы уже прийти, — не выдержав, проговорил старший оператор группы диагностов.

— Старый человек, — успокоил кто-то. — Может и опоздать.

— Говорят, он совсем не выглядит стариком.

— Но на самом-то деле он стар. С ним, наверное, трудно разговаривать...

— Ничего не трудно, — проворчал Говор. — С вами иногда труднее.

И он резко повернулся к телефону. Но это вызвала всего лишь энергоцентрала.

— Возьмете ли вы, как предполагалось, свою мощност в двенадцать ноль?

— Возьмем, — буркнул Говор. Он взглянул на часы. Оставалось совсем немного времени.

— Ничего, — сказал он. — За ним поехал Серегин. Он привезет. Пусть на пять минут позже. В двенадцать включить все. Пока прогреем...

Он не закончил фразы и опять затоптался на полу, на этот раз уже не имея больше сил отвести глаза от циферблата. Оставалось две минуты.

Полминуты.

Ноль.

Говор кивнул. Защелкали переключатели. Длинные прозрачные цилиндры налились фиолетовым светом. Тонкий, звенящий гул повис в комнате.

9.

Этот день был особенно хорош на космодроме. В лучах утреннего солнца нацеленные в зенит стрелы кораблей казались легкими, почти невесомыми.

Нет, конечно, не следовало обманываться: это были всего лишь слабые корабли малых орбит. Маленькие интереснейшие яхты и тендеры с ионным приводом, не выдерживавшие никакого сравнения с фотонными транссистемными барками или диагравитонными надпространственными клиперами Дальней разведки.

Но все же это были корабли, и Рогов, глядя на них, чувствовал, как окончательно исчезает, растворяется, испаряется через кожу тот уничижительный страх, который еще недавно терзал его. Наступило спокойствие, и Рогов знал, что источник его — корабли. На Земле могло происходить что угодно, но корабли были надежны; это давнее ощущение вошло в него и помогло обрести спокойствие.

Да, после семидесятилетнего перерыва начинать следовало именно с таких машин. А те, настоящие, не уйдут. Ведь у него теперь очень много времени впереди.

Он усмехнулся. Бессмертие! Оно оказывалось стоящей вещью! Потому что Вселенная бесконечна. И именно бесконечная жизнь нужна, чтобы лететь по миру, не оглядываясь назад, а возвращаясь, заставить живыми своих современников. Бессмертие очень нужно для звездных полетов!

Нет, все-таки он полетит. Никаких палат! Конечно, жаль, что нельзя

подняться сразу. Какое-то время уйдет на все эти исследования. Но тут ничего не поделаешь. Бессмертие нужно не только ему, но и его современникам. И будущим. Детям. Внукам. Всем. Его дети — странно — уже близки к старости. Каково было бы — пережить их? Об этом просто нельзя подумать!

И жаль, что погибли ребята. Можно было бы сформировать экипаж. Первый бессмертный экипаж. Как приблизились бы звезды...

Спохватившись, он взглянул на часы. Стрелка уже миновала одиннадцать. В институте ждут его. Не следовало опаздывать... Без точности нет пилота. Но корабли — на них можно смотреть без конца. Или еще хотя бы пять минут...

Хорошо, что бессмертными станут все. Нет, он и раньше, конечно, догадывался, в чем дело. Но боялся назвать вещь ее именем. Не думал, что ученые уже размышляют об этом. Значит, и не было смысла трезонить о своей исключительности. Кто знает — не будь ребята тоже бессмертными, может, они и не погибли бы так глупо.

Пора идти, пора.

Он взглянул на поле и невольно задержался еще на минуту. В соседнем квадрате готовился к старту какой-то кораблик. Небольшая, не достигавшая и сотни метров в высоту яхта с радиусом действия, пожалуй, не дальше пояса астероидов. Старт — это такое зрелище, на которое хочется смотреть всегда. Тем более, что своего старта ты никогда не видишь.

Рогов подошел поближе. Почти к самому запретному кругу. Ионные корабли использовались для разгона химических ускорителями. Атомные включались лишь в пространстве. Каждый кораблик стоял над вытяжной шахтой, куда при старте уходило пламя ускорителей. Так что можно было подойти совсем близко. Вот и сейчас возле запретного кольца стояло несколько человек. Один из них показался Рогову знакомым. Впрочем, может быть, Рогов ошибался.

Рукава заправки были уже сняты. С амортизаторов, на которые опирались корабль, убрали оранжевые стопоры. Корабль был готов, и Рогов невольно позавидовал тому, кто сейчас в рубке нажмет красную клавишу «Пуск».

Кто-то тронул Рогова за плечо. Он оглянулся. Сзади стоял Серегин. Они улыбнулись друг другу, как старые друзья, и Рогов сказал: «Сейчас, только он взлетит...» Потом он снова повернулся к кораблю. Было очень удобно смотреть: от шахты Рогова отделял лишь десяток метров.

Провыла сирена. Затем раздался первый глухой удар ускорителей. Через секунду он превратился в рев. Но пламени не было видно: ускорители ревели в шахте.

И вот бронзовая стрела вздрогнула и медленно, очень медленно поползла вверх. Рев усилился: ускорители приближались к поверхности космодрома. Вот сейчас они покажутся.

В этот миг в запретный круг вскопчил человек.

Он что-то кричал, хотя голос его не был слышен. Рот беззвучно разевался на костистом лице, обтянутом багровой кожей. Вихрь горячего воздуха из шахты развевал седые волосы.

Человек повернулся и кинулся к шахте. И вдруг Рогов вспомнил, где он видел этого человека. И понял, что кричит старик: о том, что не может умереть в своей постели. Этот человек еще ничего не знал о бессмертии. И лишь четыре шага отделяли его от шахты.

Рогов вынесся в круг первым. Реакция у него была по-прежнему быстрой, как и в те годы, когда он летал. Быстрее, чем у всех остальных. Кроме того, он лучше всех знал, что выключить ускорители сейчас невозможно.

В мгновение ока Рогов оказался рядом с самоубийцей. Он вложил в удар всю силу. Старик был слаб и легок. Он отлетел к границе круга. Там его схватили сразу несколько рук.

Рогов увидел лицо Серегина. На лице был ужас. Рогов понял, что ускорители выходят из шахты и что выхлоп еще силен. Рогов не успел испугаться.

10.

— Что там исследовать, — сказал Серегин. — Даже пуговиц не осталось.

Он умолк; гул приборов еще бился под потолком, потом стало совсем тихо: Говор подал знак, и приборы выключились.

Раздался звонок вызова; это была энергоцентрала.

— Нет, больше не нужна, — сказал Говор. — Да, мы кончили.

Он повернулся к сотрудникам.

— Я сказал ясно: мы кончили.

— Эпилог прекрасной сказки о бессмертии, — пробормотал старший оператор диагностов.

— О моем во всяком случае, — буркнул Говор. — Такое трудно пережить.

— Он был, я думаю, хороший парень, — сказал Серегин. — Горе. Да и вообще... Погиб зря.

— Что — вообще? — сказал Говор. — Погиб человек. Но не надежда на бессмертие: мы знаем теперь, что оно возможно, и знаем даже, где его искать. Пусть не я найду его, пусть даже это будет Герт — все равно...

Наклонив голову, он смотрел, как гаснут огни и пустеет зал.

— А мне кажется, — сказал пронизательный Серегин, — что вы, может быть, даже довольны тем, что джина из бутылки придется выпустить другому.

— Серегин! — грустно сказал Говор. — Вы сегодня словно подрались: попадать пальцем в небо. Вы опять ошиблись. И даже дважды.

— Да? — сказал Серегин.

— Вы сказали — он погиб зря. Нет. Он помог нам сделать еще один важный вывод.

— Какой же?

— Очень простой, Серегин. Запомните: и получив бессмертие, они никогда не станут бояться открыть дверь.